

Политические репрессии 20-50-х годов XX в. в Дагестане

Аннотация. Освещаются причины, характер, масштаб и последствия массовых репрессий в отношении мусульманского духовенства, крестьянства и интеллигенции Дагестана 20-50-х годов XX века. Подчеркивается незаконность осуществления различными органами (Военный трибунал, Верховный суд, Тройка НКВД, Особое совещание) судебных приговоров в отношении граждан Дагестанской АССР. Обсуждаются предпосылки возникновения репрессивной системы управления республикой, насаждающей идеологию вождизма и волюнтаристские способы решения её политических и социально-экономических проблем.

Ключевые слова: Дагестан, ОГПУ, НКВД, беззаконие, вождизм, репрессии, реабилитация.

Kakagasanov G. I.

Political repressions of 20–50s of the 20th century in Dagestan

Abstract. The author of the article highlights the causes, nature, scale and consequences of mass repressions against the Muslim clergy, peasantry and intelligentsia of Dagestan in 20-50s of the 20th century. He emphasizes the illegality of the execution of judicial sentences against the Dagestan ASSR citizens by various bodies (Military Tribunal, Supreme Court, NKVD Troika, Special Meeting). The author discusses the prerequisites for the emergence of the repressive system of the republic government, which inculcates the ideology of chieftdom and voluntary ways of solving its political and socio-economic problems.

Keywords: Dagestan, OGPU, NKVD, lawlessness, chieftdom, repression, justification.

Введение. Беззакония 20-50-х годов XX в. были и остаются одной из наиболее трагических страниц истории Советского государства. Развернувшиеся массовые репрессии уводили многих людей в небытие. Сам факт массового проявления беззакония в стране был официально признан её высшим партийным руководством: сначала в закрытом докладе первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС (14–25 февраля 1956 г.), а позднее и в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. "О преодолении культа личности и его последствий".

Опыт изучения проблемы. После публикации доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС "О преодолении культа личности и его последствий" (30 марта 1956 г.) среди российских историков и политиков, эмигрировавших на Запад, начался настоящий бум в исследовании истоков и практики сталинизма, механизма репрессий. В их распоряжении были не только документы и решения XX съезда КПСС, но и документы и материалы партийного архива Смоленского обкома ВКП(б), вывезенные немцами из Смоленска во время оккупации города в начальный период Великой Отечественной войны в июле 1941 года. Документы Смоленского партийного архива впоследствии оказались в библиотеке Гарвардского университета (США), которыми, несомненно, пользовался и политолог А. Авторханов – автор книги "Технология власти", вышедший в 1991 г. Эта одна из наиболее известных и популярных в мире книг политолога-эмигранта, долгие годы проживавшего в Америке. Этими же документами, содержащими богатейшие сведения о репрессиях в 30-х годах XX века в СССР, впоследствии пользовались советологи И. Дейчер, Э. Карр, Р. Конквест, Р. Пайпс, Л. Шапиро и др.

Значительный вклад в исследование вопросов репрессий 20–50-х годов XX в. внесли российские ученые-историки Д. А. Волкогонов, Т. С. Иванова, В. А. Куманев, Р. А. Медведев, И. В. Павлова, К. Росляков, А. Ф. Степанов, Ю. И. Стецовский, О. В. Хлевнюк и др. [2, 7, 14, 18, 22, 27–29]. Тема политических репрессий этого периода в Дагестане рассматривалась в трудах А. Д. Даниялова, Г.-А. Д. Даниялова, М. С. Муцалханова, Х. М. Махмудова, А. И. Османова, А. Г. Агаева, А. М. Магомедова, Х. М. Хасбулатова, И. Б. Гаджиева, С. И. Сулейманова, Г. И. Какагасанова, Ш. Ш. Шамхалова и др. [3–5; 21; 29; 30; 32].

Имеется значительное число научных статей дагестанских авторов, основанных на большом фактическом материале с использованием многих архивных документов. Между тем они не лишены субъективизма и поверхностных оценок тех или иных событий. Так, в статье проф. А. Г. Агаева "Беззакония 30-х годов... в Дагестане" допущен ряд неточностей, связанных с арестами Н. Самурского, Ю. Шовкринского и И. Нахшунова. Ошибочными являются факты участия Н. Самурского в работе февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б), его сопротивления на бюро обкома ВКП(б) исключению из партии Н. Р. Нахшунова,

написания кровью (вскрыв вену) [1; 25]. письма Ю. Н. Шовкринским на имя И. В. Сталина из тюремной камеры. В период работы Пленума ЦК ВКП(б) (1937 г.) первый секретарь Дагобкома ВКП(б) Н. Самурский председательствовал на всех заседаниях бюро обкома ВКП(б) с 23 февраля по 7 марта в Махачкале, а 7 марта 1937 г. бюро обкома партии в полном составе под председательством Н. Самурского единогласно проголосовало за исключение из партии Н. Нахшунова. Что касается написанного кровью на ткани письма Ю. Н. Шовкринского, то проведенный специальной лабораторией анализ показал, что оно было написано фиолетовым химическим карандашом путем увлажнения полотна [24, с. 31].

Среди огромного количества научной и научно-популярной литературы, вышедшей в конце 80-х – начале 90-х годов XX в., особое место занимают сборники публицистических статей о государственных и партийных деятелях, ученых, представителей творческой интеллигенции, репрессированных в 30-е годы. Так, в 1989 г. в издательстве Агентства печати "Новости" вышла книга в двух частях "Возвращенные имена". В ней содержатся очерки о 28 видных партийных и государственных деятелях, ученых, военных специалистах, занимавшие в первые годы советской власти высокие государственные должности и репрессированные в 30-е годы. Среди них такие государственные деятели, как Н. И. Бухарин, А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. В. Косарев, Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский, Э. С. Рудзутак, А. И. Рыков, М. Н. Рютин, М. П. Томский; ученые Н. И. Вавилов, Н. Д. Кондратьев, А. К. Чайнов и др.

В 1990-е годы в Дагкнигоиздате вышла в свет книга под названием "Наследие, возвращенное народу" [18], написанная известными учеными Института истории, языка и литературы ДНЦ РАН и высших ученых заведений республики. В книгу вошло 19 очерков о жизни и творчестве репрессированных поэтов, писателей и политических деятелей Дагестана – Саида Габиева, Алибека Тахо-Годи, Рабадана Нурова, Багаутдина Астемирова, Ибрагим-Халила Курбан-Алиева, Ехиела Маматова, Гадиса Гаджиева, Магомед-Гаджи (Чучундалава), Абусупьяна Акаева, Темирбулата Бейбулатова, Абдуллы Батирова, Муэдина Чаринова, Багадур Малачиханова, Абдулатипа Шамхалова, Гаджибека Гаджибекова,

Абумуслима Джафарова, Басира Абдумуслимова, Юсупа Гереева, Амира Курбанова.

Вопросы репрессий 30-х годов XX в. в отношении представителей малочисленной интеллигенции Дагестана начинают освещаться в отдельных очерках и статьях в периодической печати республики вскоре после смерти И. В. Сталина (5 марта 1953 г.) и выхода постановления ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий" от 30 июня 1956 г. Такие очерки были написаны о Д. Коркмасове, Н. Самурском, К. Мамедбекове, А. Тахо-Годи, Д. и М. Атаевых, братьях М., Г. и А. Далгат, Р. Нурове, О. Османове, Б. Шеболдаеве и многих других.

О масштабах репрессий тех лет можно судить только по подлинным историческим документам, хранящимся в фондах партийных и государственных архивов страны. Публикация этих документов – важнейшая задача историков-архивистов, от решения которых зависит объективность наших представлений о количестве репрессированных лиц. Напротив, отсутствие таких документов приводит к появлению недостоверных, часто сильно преувеличенных сведений. В этом плане значительную работу проделал коллектив ученых-историков Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН совместно с партийным (с 1999 г. ЦГА РД) архивом, выпустив большую работу "Репрессии 30-х годов в Дагестане" [23]. В сборник документов были включены в основном тексты выступлений руководящих работников обкома партии, СНК республики на партийных собраниях, бюро и пленумов по вопросу обсуждения закрытых писем ЦК ВКП(б) "О разоблачении контрреволюционных троцкистско-зиновьевских последышей в Дагестане" (сентябрь 1936 г.). Самая большая группа документов, включенных в этот сборник, относится к 1937 г., когда происходили массовые репрессии как в стране в целом, так и практически во всех ее регионах.

Репрессии в отношении духовенства и зажиточного крестьянства. Еще 20 ноября (3 декабря) 1917 г. Правительство РСФСР обратилось к мусульманам России и Востока, после чего "религиозные верования и обычаи, национальные и культурные учреждения мусульман объявлялись свободными и неприкосновенными". Вслед за этим обращением через два месяца 20 января (2 февраля 1918 г.) последовал Декрет Совнаркома

РСФСР "О свободе совести, церковных и религиозных обществах", согласно которому церковь отделялась от государства и школа от церкви. Каждый гражданин имел право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

Вопрос об отделении церкви от государства и школы от церкви в Дагестане вплоть до 1921 г. дискутировался и долго не решался. Декрет, аналогичный декрету РСФСР, в Дагестане так и не был принят. Сам принцип отделения церкви от государства и школы от церкви был закреплен в первой Советской Конституции ДАССР, принятой 5 декабря 1921 г. на Первом Вседагестанском Учредительном съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В ст. 7 этой Конституции говорилось, что "в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами". В ст. 75 говорилось о том, что "правом избирать и быть избранными в Советы и на их съезды пользуются независимо от вероисповедания, национальности, оседлости, достигшие ко дню выборов 18 лет" [28, с. 458].

В первые годы советской власти в Дагестане пятница была объявлена выходным днем. Верующим мусульманам, в т.ч. работникам советского аппарата, разрешалось совершать пятничный намаз в мечетях. Наряду с советскими праздниками (как, впрочем, и сегодня), официально праздновали Ураза-байрам и Курбан-байрам, объявляя их выходными днями. До 1927 г. (год ликвидации шариатских судов и начала преследования духовенства) в республике действовало свыше 700 городских и сельских шариатских судов, число мусульманских школ при мечетях значительно превышало количество светских общеобразовательных школ, разрешалось преподавание мусульманского вероучения детям с 12 лет. Во многих районах вплоть до середины 30-х годов XX в. совершенно легально рядом с советскими школами (опять же, как и сейчас) существовали мектебы и медресе. До 1927 г. допускалось заключение брака по шариату.

Вплоть до 1927 г. в Дагестане, наряду с советскими, функционировали и отдельные религиозные институты, в частности начальные и средние религиозные учебные заведения,

шариатские суды. Мечеть оставалась крупной собственницей земли, в ее владении было огромное вакуфное имущество.

Следует подчеркнуть, что мусульманское духовенство Дагестана с самого начала установления советской власти выступало с призывами к верующим противодействовать всем мероприятиям органов власти, связанным с выборами в сельские советы, организацией крестьянских комитетов и кооперативов, изъятием вакуфного имущества, призывом в Красную Армию, проведением землеустроительных работ, строительством светских школ, реформой судебной и земельно-водной систем.

Меры по ограничению материального и духовного влияния религиозных деятелей на основную массу трудящихся, предпринятые советской властью в первые годы социалистического строительства, носили главным образом ограничительный характер. Партийная власть отстраняла религиозных деятелей от участия в государственном строительстве, лишала их избирательных прав, облагала представителей мусульманского духовенства индивидуальным налогом, запрещала преподавание богословских учений и чтение Корана в советских школах. В конечном итоге это приводило к еще большему обострению отношений между религиозными деятелями и представителями советской власти.

По отношению к наиболее активным участникам сопротивления советская власть начала применять сначала административные меры – лишение избирательного права, обложение индивидуальным налогом. Организаторы, подстрекатели и руководители восстаний подвергались уголовным преследованиям. Аресты главных руководителей повстанцев и их подстрекателей органы власти осуществляли лишь после того, как исчерпывались меры мирного урегулирования конфликта, если не давали результатов переговоры через влиятельных лиц, сельских старейшин и, наконец, непосредственно через родственников повстанцев.

Как свидетельствуют документы и научные публикации [6, с. 310], в 1924 г. органы Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совнаркомом СССР на территории Северо-Кавказского края зафиксировали более 600 бандитских вылазок. Серьезную угрозу для всего Северного Кавказа представляли антисоветские выступления повстанцев под

руководством Н. Гоцинского. В сентябре 1925 г. в результате совместной чекистско-войсковой операции сотрудников Дагестанского, Чеченского, Владикавказского, Терского, Кабардино-Балкарского отделов ОГПУ и частей Красной Армии повстанцы Гоцинского были ликвидированы, арестованы 309 вожаков и активных участников движения. Из числа арестованных 105 человек (34,0%) были расстреляны, в том числе Н. Гоцинский [6, с. 311].

Материальное и значительное идейное влияние мусульманского духовенства на массы дагестанского населения продолжалось долго. По данным органов ОГПУ, ВЦИК и СНК РСФСР, в 1929 г. его базу в Дагестане составляли 17 шейхов, 623 кадия, до 2 тыс. мулл, свыше 2 тыс. алимов, более 2000 мечетей. За менее чем 10 лет существования советской власти были построены 33 мечети, 109 примечетских и 137 коранских школ [29, с. 21].

В период коллективизации сельского хозяйства в СССР велось фронтальное наступление на кулачество. Местные партийные и советские органы с привлечением деревенской бедноты и батрачества всевозможными обещаниями, угрозами конфискации имущества и арестами стремились преодолеть сопротивление значительной части крестьянства насильственной коллективизацией.

В 1928–1929 гг. в ряде районов Дагестана имело место около 100 массовых вооруженных выступлений, было разоблачено 30 подпольных повстанческих организаций и группировок, раскрыто 9 террористических актов против представителей власти и сельских активистов. По отношению к 60 наиболее деятельным организаторам преступных акций были приняты соответствующие меры пресечения [29, с. 23].

В 1930 г. такие же карательные меры были применены к 490 активным участникам вооруженных формирований, орудовавших в Аварском, Андийском, Гунибском, Буйнакском, Хасавюртовском округах и в отдельных районах Дагестана. В следующем 1931 г. была пресечена подрывная работа 178 группировок, в состав которых входило 1350 человек, ликвидировано 9 массовых вооруженных выступлений. В 1932 г. разоблачается враждебная деятельность против советской власти 7 подпольных организаций, 35 группировок и 56 одиночек, в целом 563 человек [29, с. 23].

Во второй половине 1920-х годов лидеры мусульманского духовенства, особенно его реакционная часть, стали открыто запрещать детям ходить в советские школы. Вот так Ан. Скачко в своей книге "Дагестан" описывает события в с. Акуша: "Ни советская школа, ни крестком, ни изба-читальня, ни ликпункт немислимы здесь (в селе Акуша – Г.К.) вследствие сильного противодействия со стороны духовенства и кулаков... [Даргинским] окружным ОНО (отделом народного образования) в прошлом [1925] году сюда были привезены школьные парты для организации советской школы. Узнав об этом, духовенство и кулаки подняли целую бучу и согласно "приказу" "божьего старца" (читай Али-Гаджи-Акушинского – Г.К.) все парты [были] выброшены в реку" [27, с. 91, 92]. В селении Акуша детям запрещали заносить домой школьные учебники, носить красные галстуки, женщинам – красные косынки, ходить на похороны советских работников, хоронить коммунистов на общем кладбище, устраивались погромы школ, библиотек, изб-читален. Дело доходило и до убийств – в с. Касумкент был убит секретарь райкома партии Герейханов. Фанатично настроенная часть мусульманского духовенства в мечетях и на собраниях верующих призывала к открытому сопротивлению действиям советской власти, в некоторых районах дело доходило до вооруженных конфликтов.

30 января 1930 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации". В таких районах местные партийные и советские органы наделялись чрезвычайными полномочиями, а органам ОГПУ давались прямые указания по высылке, аресту кулаков и их расселению в течение 4-х месяцев (февраль–май 1930 г.). Массовые выступления крестьянства против коллективизации в ряде районов республики носили вооруженный повстанческий характер (Южный и Нагорный Дагестан).

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 4 февраля 1930 г. органам ОГПУ предоставлялось право на период проведения операции по ликвидации "кулачества" при рассмотрении дел передоверять свои полномочия представителям ОГПУ краев и областей, через т. н. "тройки". В состав последних входили представители ОГПУ, прокуратуры и секретари партийных комитетов не ниже райкома партии. "Тройкам" были подсудны все дела о контрреволюционных преступлениях согласно УК РСФСР

1927 г. по статье 58 (1–14) с правом вынесения окончательного решения вплоть до применения высшей меры наказания. Применение высшей меры наказания с конфискацией имущества в отношении организаторов и вдохновителей протестных акций санкционировалось циркуляром наркомата юстиции РСФСР от 3 февраля 1930 г. № 3 "О подавлении сопротивления кулачества", разосланным всем краевым и областным прокурорам и НКЮ автономным республикам.

17 ноября 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О преступлениях, прокурорском надзоре и ведении следствия". В соответствии с вышеуказанным постановлением судебные органы с конца 1938 г. провели пересмотр уголовных дел на лиц, осужденных в 1934–1938 гг. И в первую очередь это касалось колхозников и представителей сельского актива в количестве 14 793 человек. Из них были освобождены 12 132 человека (82,1%). После 1956 г. начался и процесс их реабилитации. Было реабилитировано более 7500 человек [24, с. 38].

Репрессии против интеллигенции. Интеллигенция Дагестана 20–50-х годов XX в. была сравнительно немногочисленной. В Дагестанской АССР к 1939 г. числился 2751 человек с законченным высшим образованием. В следующем 1940 г. их количество увеличилось до 4000 чел. (рост на 45,4%), из них 2850 человек (71,2%) были представителями народов Дагестана [3, с. 332]. Интеллигенция сыграла огромную роль в экономическом и культурном развитии республики, содействовала просвещению народа. Из ее среды вышло много выдающихся ученых, специалистов народного хозяйства, деятелей литературы и искусства.

В 20-е годы XX в. Правительство Российской Федерации, особенно его председатель В. И. Ленин, большое значение придавали кадрам из интеллигенции Кавказа. В известном письме "Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской [Автономной] республики" от 14 апреля 1921 г. В. И. Ленина настаивал проявлять "больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к ...интеллигенции... более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму – вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР" [15, с. 199].

Страницы истории советского государства 20–50-х годов XX в. наполнены высокими достижениями в социально-экономическом росте страны в целом и ее регионов, в т. ч. Дагестана. Несомненным фактом является то, что история советского общества при всех отступлениях, потерях и неудачах – это история невиданного трудового и ратного подвига многонационального народа страны, которые внесли величайший вклад в развитие и укрепление государства, определили его выбор и судьбу.

Вместе с тем эта история складывалась в условиях диктатуры командно-административной системы, насаждающей идеологию *вождизма*, упрощенческие подходы и необдуманые решения, которые в конечном итоге сыграли трагическую роль. Идеология вождизма формировалась не только в центре, но и на местах: в центре – И. Сталин, в Северо-Кавказском крае – Е. Евдокимов, в Дагестане – Н. Самурский [21, с. 14].

Уже 20-е годы XX в. стали началом борьбы против всего, что политическая власть страны квалифицировала как "местный" и "буржуазный национализм". В условиях национальных республик это обернулось репрессиями против всех носителей национализма. Из них первыми жертвами стали те, кто в 1922–1924 гг. направил в ЦК партии письма о необходимости выхода Дагестана из состава Юго-Восточной области и подчинения по партийной линии ЦК партии, а по государственной – правительству РСФСР (такой порядок действовал в отношении Башкирии и Татарии). В этих же письмах утверждалось о несостоятельности политики отзыва местных (дагестанских) работников для работы в руководстве края и присылки в республику кадров, незнакомых с языком и бытом горцев.

Появление "Письма 43-х" связано с разработкой ЦК РКП(б) плана по проведению административно-территориального устройства Северного Кавказа в 20-х годах, в основу которого были положены принципы экономического районирования. На соответствующий запрос ЦК РКП(б) последовал ответ расширенного пленума Дагобкома партии, принявшего в сентябре 1924 г. развернутое постановление "По поводу районирования Юго-Восточной области и о предполагаемом включении Дагестана в эту область". Постановление подписали 43 руководящих партийных и советских работника республики. Именно это

постановление в истории парторганизации и принято именовать "Письмом-платформой 43-х". Оно было издано типографским способом в 1927 г. в виде брошюры, содержащей политический и экономический обзор, а также статистические приложения по экономическому обоснованию районирования Дагестанской республики (6 таблиц). Постановление было направлено в ЦК РКП(б). Судьба участников пленума, подписавших это постановление, в период репрессий 30-х годов оказалась фатальной. Все оставшиеся к этому времени в живых и находившиеся в Дагестане авторы "Письма" были репрессированы и затем погибли [8, с. 19–20].

Главными выводами в этом "Письме" служили утверждения о том, что присоединение Дагестана к Юго-Восточной области население может понять как фактическое уничтожение автономии. При этом произойдет возвращение Дагестана под власть казаков, бывших врагами горцев на протяжении всей Кавказской войны, а затем и гражданской войны, когда деникинское казачество разрушало десятки аулов, грабило и убивало горцев. В этой связи в тексте нашел отражение и вопрос В. И. Ленина, заданный членам дагестанской делегации при приеме в Кремле в феврале 1921 г.: "А что, дагестанцы очень сильно ненавидят русских?" [8, с. 20–21].

Большое место в постановлении пленума Дагобкома партии уделялось сохранению автономии для трудящихся Страны гор. В нем говорилось, что крестьянство поддерживает советскую власть в силу полученной от этой власти национальной автономии, а также с учетом тех хозяйственных мероприятий, которые начаты в целях улучшения жизни трудящихся. Отсутствие антисоветских выступлений в соседней Чечне, где скрывался лидер горской контрреволюции Нажмудин Гоцинский, постановление объясняло тем обстоятельством, что чеченцы видят и знают позицию Дагестана, идущего за советской властью. Дагестанцы изгнали Гоцинского, а мусульманское духовенство объявило его "вне шариата". Приводился пример того, как провалились расчеты грузинских меньшевиков на участие Дагестана в антисоветском восстании в Грузии. Все это позволило участникам пленума констатировать, что тактика партии и советских органов в Дагестане является правильной. "Несмотря на многонациональность населения, трудящиеся республики проявляют подлинную сплоченность. В партийной организации

отсутствуют какие-либо межнациональные трения, нет националистических групп. Она крепко спаяна товарищеским единством. Поэтому необходимости в каких-либо экстренных переустройствах как по партийной, так и по советской линии не требуется", – писали они [8, с. 21].

Постановление завершалось выводами: присоединение Дагестана к Юго-Восточному объединению – это нарушение принципов национальной политики партии, Конституций РСФСР и ДАССР и по сути ликвидация Дагестанской автономии; оно вызовет резкий протест населения, обвинение коммунистов в обмане и усилении в республике национализма. В заключение Дагобком партии обратился с просьбой к ЦК РКП(б) отложить опыт экономического районирования впредь до улучшения экономического положения и поднятия культурного уровня населения республики [8].

В сентябре 1937 г. письма с таким содержанием были выявлены в текущих архивах (канцеляриях) ДагЦИКа и Совнаркома, а также в общем отделе обкома партии. Их было два, первое из которых составлялось в декабре 1922 г. И. Алиевым, М. Далгат и А. Тахо-Годи после партийной чистки 1921 г., а второе – примерно в тот же период одним А. Тахо-Годи [20, с. 271, 272]. Их копии были обнаружены в архиве ДагЦИКа в начале сентября 1937 г. секретарем ДагЦИКа Е. Мататовым и переданы первому секретарю обкома партии Н. Самурскому. Согласно резолюции последнего оба письма с сопроводительным письмом 8 сентября 1937 г. с грифом "строго секретно" были отправлены тогдашнему секретарю ЦК ВКП(б) (впоследствии наркому внутренних дел СССР) Н. И. Ежову [21, с. 269–271].

Трагическая судьба всех 43 подписантов этих писем хорошо известна. В том же 1937 г. были репрессированы М. Абакаров, И. Алиев, Т. Амиров, Б. Астемиров, А. Атаев, Д. Атаев, С. Габиев, Г. Гаджиев, М. Далгат, Д. Исмаилов, Ю. Кабукаев, Н. Колесов, Д. Коркмасов, М. Мамаев, Д. Саидов, Н. Самурский, А. Тахо-Годи, Т. Темирбеков, Х. Ханмагомедов, Х. Эмирбеков. К тому времени из числа подписавших умерли М. Ахундов, М. Магомедбеков, В. Ходак, М. Эльдаров. Судьба остальных, главным образом выехавших из Дагестана, точно не известна [8, с. 21–22]. Среди подписантов также были А. Ачжигитов, Б. Гаджиев, Н. Ефуни, М. Жмулин, М. Кюринский, К. Мамедбеков, Г. Магомедов,

А. Матвеев, Г. Меджидов, А. Мурсалов, Н. Насидзе, С. Носов, Г. Петренко, А. Погодин, К. Полин, П. Сердобинцев, Т. Троицкий, Т. Хавриенко и Б. Халидов. Фамилии К. Г. Мамедбекова в первоначальном варианте "Письма" не было. Она допечатана при издании "Письма" в 1927 г.

Особый ряд составляют репрессии в отношении к крайне немногочисленной научной интеллигенции Дагестана. Так, в 1924 г. в Махачкале при Наркомате просвещения был создан первый в Дагестанской АССР научно-исследовательский институт, директором которого стал Дмитрий Павлов, в то время руководитель Дагестанского краеведческого музея. Арестовали Д. М. Павлова в 1931 г., и в том же году он умер в тюрьме (по одной версии – покончил жизнь самоубийством, по другой – избит до смерти при допросе). Какие ему были предъявлены обвинения и где он похоронен (тело умершего не выдали его родственникам для погребения) – до сих пор неизвестно [13].

Предполагается, что арест ученого был связан с "антикраеведческой" кампанией в рамках "Академического дела", которое велось с 1929 г., когда из страны была выслана Наталья Седова (жена Л. Д. Троцкого). Последняя руководила краеведческим движением в России с первых лет установления в ней советской власти (с 1918 по 1928 гг. она заведовала музейным отделом Народного комиссариата просвещения РСФСР). Считается, что трагическую роль в судьбе Д. М. Павлова сыграло прежде всего его активное участие по восстановлению панорамы Ф. Рубо "Штурм аула Ахульго" в условиях утверждавшегося в ту пору запрета на тему Кавказской войны [16].

В 1930-е гг. громкую известность в республике и за ее пределами получило дело об очковтирательских сведениях по озимому севу и подъему зяби, подготовленных для рапорта в ЦК ВКП(б) и Крайком партии. Виновные в этом деле (заведующий сельхозотделом Н. Колесов, нарком земледелия Д. Саидов, его заместитель Ш. Абакаров) были репрессированы (расстрел), кроме Ш. Абакарова, который скончался в тюремной камере от побоев.

Периодическая печать Дагестана пестрила заголовками, призывающими разоблачать "врагов народа" в духе решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б): "До конца разоблачать и разгромить буржуазных националистов", "вредителей в сельском хозяйстве – к суровой ответственности"

("Дагестанская правда" от 12 сентября 1937 г.), "Буржуазные националисты в редакции «Захметкеш»" и другие.

Со второй половины 30-х годов репрессии обрушивались на партийный, советский и комсомольский актив, командный состав армии, широкий слой хозяйственных и инженерно-технических работников. Неполадки и брак, аварии и производственные неудачи на предприятиях и на транспорте толкали руководство страны, а именно Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР к поиску врагов. Нарушения технологических процессов, чаще всего происходившие по малограмотности персонала, ломка дорогостоящего оборудования, несчастные случаи с персоналом расценивались как вредительство и диверсия.

Миллионы людей, самоотверженно работавших на заводах и фабриках, стройках, свято верили в правоту дела социализма. И они также искренне верили, что неудачи и сбои в промышленности, аварии и взрывы на шахтах, заводах, голод в стране – это дело рук врагов советской власти. Поэтому почти ни у кого не возникали сомнения в необходимости проходивших по всей стране громких политических процессов и справедливости выносимых приговоров.

Чтобы оправдать массовые репрессии в глазах трудящихся, в 1930-х годах был организован ряд судебных процессов, главными обвиняемыми которых стали видные партийные и государственные деятели. Материалы этих судебных процессов публиковались в центральной и местной периодической печати. В трудовых коллективах бурно обсуждались итоги всех процессов и принимались одобрительные решения. В результате органами НКВД ДАССР в республике были приняты беспрецедентные шаги по поиску троцкистов, шпионов, буржуазных националистов и врагов народа. В процессе обсуждения всех этих писем, запросов об увеличении лимитов и т. д. было арестовано 5252 человека, из которых 1995 (38%) осудили по первой категории (расстрел) и 3257 (62%) по второй категории, т. е. заключение в тюрьмы и лагеря сроком от 8 до 10 лет [10, с. 166–170]. Все они были осуждены особой тройкой НКВД ДАССР за период с 29 августа 1937 г. по 10 марта 1938 г.¹

---

¹ Особая тройка НКВД ДАССР в составе Самурского, Ломоносова и Шиперова была создана Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. (Протокол № 51, п. 94). Всего было проведено 55 заседаний тройки, из них 12 – до ареста Самурского [10, с. 166–169]. Ни один

Репрессиям в первую очередь подвергались бывшие идейные противники Сталина, те, кто не был согласен строить социализм в стране по его модели. Они были объявлены агентами империализма, шпионами иностранных государств, буржуазными националистами и врагами народа. Репрессированы были представители старой интеллигенции, получившие образование за границей, перешедшие на сторону советской власти и внесшие неопределимый вклад в становление и развитие социализма в Дагестане.

Самые большие потери понесли члены коммунистической партии. Это было связано с проведением не только чисток, но и массовых репрессий в отношении интеллигенции Дагестана. К концу 1938 г. по сравнению с 1933 г. число коммунистов республики сократилось с 13842 до 6752 человек, т. е. на 7090, или 51,2%. Незначительные сокращения по сравнению с партийной организацией были в комсомоле. К 1936 г. численность комсомольцев сократилась на 15,1%, а к концу 1938 г. даже выросла на 11,0% [12; 29, с. 21, 23].

Реабилитация репрессированных. После январского (1938 г.) Пленума ВКП(б), обсудившего вопрос "Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков" в партийные комитеты поступило огромное количество заявлений. В 1939–1940 гг. в результате рассмотрения заявлений в республике было восстановлено в рядах партии 393 человека, исключенных в 1937–1938 гг. [24, с. 440].

В связи со сменой курса в конце 1938 – начале 1939 г. была проведена очередная перетряска в партийном руководстве ряда краевых и областных организаций. Были сняты с занимаемых должностей первые секретари крайкомов и обкомов партии за

протокол из 12 Самурским не был подписан. Их подписывали Ломоносов (председатель тройки), Сорокин (вместо Самурского), Савин, Гуснединов (зам. прокурора ДАССР) и секретарь тройки – Богданов. Между тем подпись Самурского, как секретаря ДК ВКП(б) об увеличении репрессий в Дагестане, в письме к Сталину от 26 сентября 1937 г. имеется. Выходит, что слова были, а дел – нет. Главными вершителями репрессий в Дагестане были Ломоносов и Сорокин. Парадоксально, что протоколы тройки с № 26 по № 33 (8 протоколов) вообще никем не подписаны [10, с. 168].

отсутствие бдительности в отношении разоблаченных руководителей НКВД, необоснованные исключения из партии и избиение кадров.

Всего за период с 1934 по 1939 гг. было исключено из партии около половины состава всей областной партийной организации. По существу был уничтожен весь цвет дагестанской национальной интеллигенции – сотни партийных, советских и хозяйственных работников, активных борцов за установление советской власти и создание фундамента социализма в республике.

После XX съезда партии (февраль 1956 г.) были реабилитированы в партийном порядке Н. Самурский, М. Далгат, К. Мамедбеков, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи, А. Атаев, Ю. Шовкринский, Б. Астемиров и многие другие, которые в 20-е годы твердо отстаивали позиции Октябрьской революции и Советского государства, способствовали строительству социализма в Дагестане. Однако после XVII съезда партии (февраль 1934 г.), когда были перечеркнуты принципы гласности и коллегиальности партийного руководства, они не смогли ничего противопоставить превращению роли органов внутренних дел и выводу их из-под контроля партии.

Начиная с 1934 г. главными организаторами и исполнителями репрессий в республике выступили Нарком внутренних дел В. Г. Ломоносов, после него А. И. Пантелеев, помощник начальника отдела НКВД Г. Т. Тучнин, а также следователи: И. А. Дубинин, О. М. Мухамедов, Ф. И. Конарев, Н. А. Кравцов, Савин, Страхов. В немалой степени этим репрессиям способствовала и деятельность бюро обкома, его секретарей Н. Самурского, а после него М. Сорокина, которые шли на поводу у руководства НКВД в лице В. Г. Ломоносова. Обязательным условием в решениях бюро обкома партии было внесение предложений и поправок, заявленных В. Г. Ломоносовым, в чем сказались последствия групповой борьбы 20-х годов за лидерство руководящих кадров республики, взаимные обвинения на партийных форумах и личные взаимоотношения.

Многие репрессии против партийных и советских работников республики в 1937–1938 гг. стали продолжением "разоблачений" Н. Самурского, М. Далгат, К. Мамедбекова. Их жертвами явились секретари райкомов партии, председатели и секретари районных исполнительных комитетов, рядовые коммунисты, близко знавшие их.

Заключение. Обращаясь к репрессиям тех лет, хотелось бы письменно назвать каждого, кто безвинно пострадал, чье честное имя было ошельмовано. Важно, чтобы общественность знала обо всех, кого загубила машина политических репрессий второй четверти XX столетия. К сожалению, многие из таких имен остаются в забвении потому, что родных и родственников погибших давно не осталось в живых и обратиться в судебные органы уже некому. Долг ученых – вернуть их имена общественной истории Дагестана. В соответствии с принятым 18 октября 1991 г. Законом РФ "О реабилитации жертв политических репрессий", органы Федеральной службы безопасности, Прокуратура республики обязаны проводить работу по пересмотру уголовных дел, заведённых по политическим мотивам в 30-х годах. Нельзя допустить, чтобы этот процесс был остановлен.

Литература

1. *Агаев А. Г.* Беззакония 30-х годов: истоки, механизмы, последствия // Советский Дагестан. 1988. № 2. С. 19–28.
2. *Волкогонов Д. А.* Сталинизм: сущность, генезис, эволюция: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук / АОН при ЦК КПСС. М., 1990. 46 с.
3. *Гаджиев И. Б.* Керим Мамедбеков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971. 69 с.
4. *Даниялов А. Д.* Строительство социализма в Дагестане. 1921–1941. (Узловые проблемы) М.: Наука, 1975. 301 с.
5. *Даниялов Г.-А. Д.* Строительство социализма в Дагестане. 1918–1941. М.: Наука, 1988. 220 с.
6. *Жуикова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М.: Новый хронограф, 2016. 424 с.
7. *Иванова Т. С.* Из истории репрессий в Якутии (конец 20-х – 30-е годы XX в.). Новосибирск: СО РАН, НИЦ ОИГГМ, 1998. 270 с.
8. *Иванцов В.* Письмо 43-х // Политический собеседник. Журнал идеологического отдела Дагестанского обкома КПСС. 1989. № 23 (999). С. 18–23.
9. История Дагестана. Том 3 / гл. ред. Г. Д. Даниялов. М.: Наука, 1968. 426 с.
10. *Какагасанов Г. И.* Массовые политические репрессии 20–40-х и начала 50-х годов XX в. в Дагестане и их последствия (Историко-документальное исследование). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН; Алф, 2020. 234 с.
11. *Какагасанов Г. И.* Новая волна репрессий против крестьянства и других слоев населения в республиках Северного Кавказа в 1937–1938 гг. //

Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 2 (38). С. 101–111.

12. Какагасанов Г. И. Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20–50-е годы XX в. (Историко-документальное исследование). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, Алеф, 2010. 240 с.

13. Колесникова М. Е. Дмитрий Михайлович Павлов. (К 120-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2004 год. Краеведческий сборник. Ставрополь: Ставроп. гос. краев. универс. НБ, 2004. С. 202–208.

14. Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.: Наука, 1991. 296 с.

15. Ленин В. И. Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики от 14 апреля 1921 г. // Полное собрание сочинений. Т. 43. М.: Политиздат, 1974. С. 198–200.

16. Лысенко Ю. М. Дмитрий Михайлович Павлов – первый директор Дагестанского научно-исследовательского института: штрихи к портрету // Вестник ДНЦ. 2012. № 44. С. 115–118.

17. Магомедов А. М. Алибек Тахо-Годи. Жизнь, мировоззрение, творческое наследие. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. 511 с.

18. Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 488 с.

19. Муцалханов М. С., Махмудов Х. М. Дагестан в 30-е годы XX в. Махачкала: ДГПУ, 1997. 80 с.

20. Наследие, возвращенное народу: Материалы о жизни и творчестве репрессированных поэтов и писателей Дагестана: Сборник / сост. Г. Б. Мусаханова; предисл. С. Х. Ахмедов. Махачкала: ДагФАН СССР, 1990. 224 с.

21. Османов А. И. Очерки по истории Дагестана XX века. Махачкала: Алеф, 2012. 494 с.

22. Павлова И. В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 230 с.

23. Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (март 1920 – декабрь 1921 гг.) / сост. М. А. Абдуллаев, В. А. Волкова, А. К.-М. Исрапилов, А. М. Магомедов, Р. А. Соломко, А.-К. И. Эфендиев, Т. Л. Еременко. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 502 с.

24. Репрессии 30-х годов в Дагестане. Документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов, М. Д. Бутаев, Р. И. Джамбулатова. Махачкала: Юпитер, 1997. 528 с.

25. Росляков М. В. Убийство Кирова. Политические и уголовные преступления 1930-х годов. Л.: Лениздат, 1991. 127 с.

26. Скачко Ан. Дагестан / под ред. Т. Такоева. М.: Власть советов, 1931. 157 с.

27. Степанов А. Ф. Расстрел по лимиту: Хроника политических репрессий в Татарской АССР в годы "ежовщины". Казань: Чара, 1999. 62 с.

28. *Стецовский Ю.* История советских репрессий. М.: Общ. фонд "Гласность", 1997. 600 с.

29. *Сулейманов С. И.* Книга памяти жертв политических репрессий 20–50-х гг. XX в. в Дагестане (документы, списки). Махачкала: Мавраевъ, 2015. 608 с.

30. *Хасбулатов Х. М.* Саид Габиев (1882–1963). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. 78 с.

31. *Хлевнюк О. В.* 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.

32. *Шамхалов Ш. Ш.* Тридцатые годы в судьбах дагестанской интеллигенции: истоки, механизмы и последствия репрессий: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2002. 32 с.

Статья сдана в редакцию 12 декабря 2020 г.